

ВЕСНА

Девочка Лида живет в пруду подо льдом,
У девочки Лиды в пруду подо льдом дом.
Дом охраняют карп и большой сом.
Девочка Лида думает, это сон.
Девочка Лида утром глядит ввысь,
Гладит сома, а потом говорит: «Брысь!
Как это все нелепо...»
И улетает в небо.
Небо не то чтоб жестоко, но жестко, да —
Девочка Лида бьется о слой льда.
В общем, неважно, что там сейчас с ней.
Лед на пруду трескается. К весне.

КОРАБЛИК

Пойдем кататься на кораблике
На зависть разношерстной публике.
Потом повесим фотки в паблике:
Вот мы на палубе, вот в кубрике.
Вот мы уже стоим на мостике
В какой-то позе из гимнастики
(Я буду в сером платье простеньком,
На этот раз не Роза, Настенька).
И тотчас лед под нами тронется,
А что же нам с тобой останется?
Ты слышишь? Входит в город конница,

И со страницы сходит странница.
И девочка на подоконнике
В нарочно купленном купальнике
Любуется преградой тоненькой
И всплесками соседской паники.
Потом и мы с тобой докатимся
До белочек и прочих котиков.
За этих дурочек расплатимся.
И за романтику с экзотикой.

* * *

Кони скачут, Ярославна плачет,
Догорают избы вдалеке.
Был ли мальчик, или это мячик
Проплывает по реке-Оке?
Волны так легки и белогривы...
Уходя от хриплого «Ату!»,
Катерина падает с обрыва,
Превращаясь в чайку на лету.
Катерину никому не жалко —
Выстрелила палка — ай-ай-ай.
Выходила на берег русалка.
Но теперь не выйдет, так и знай.

ГАГАРИН

Гагарин улетает в небо,
Орфей спускается в Аид.
Но невозможного не требуй.
Не будет чуда. Без обид.
Ты никому из них не нужен,
На том и держится весь миф.
Теперь почувствуй радость — ну же —
Не знавших о тебе, забыв.
В историю попав в разгаре
Войны — очередной трофей,
Ну чем ты хуже, чем Гагарин?
И чем ты лучше, чем Орфей?

* * *

А вот теперь иди и делай вид,
Что он ползет за тобой в Аид,
Что от стыда за это все сгорая,
Он за тобой последует из Рая
В какой-нибудь забытый богом край,
В котором хошь живи, хошь умирай,
Никто особо даже не заметит.
Все оттого, что вы уже не дети,

А падшие созданыя, потому
Давно не интересны никому.
Иди и повторяй вот это всё,
Что он тебя отыщет и спасет,
Что он теперь с тобой до гроба рядом.
А то, что знаешь ты, нам знать не надо —
Что он вздохнул, сказал: «Какая жесьть»
И там остался — яблоко доесть.

* * *

Они рожают детей и выходят в космос,
А ты домой возвращаешься после школы.
Недавно взяла и зачем-то обрезала косы,
Бросила фотокружок и секцию баскетбола —
Времени мало, жалко вот так тратить.
Жизнь впереди радостная, большая.
Ты идешь и вспоминаешь платье,
Которое на выпускной сама себе обещала.
Ты идешь и отражаешься в лужах,
И фонари освещают твою дорогу.
Для настоящего счастья так мало нужно.
Но тебе пока еще хочется очень много.
...Они возглавляют списки и комитеты,
Они запрещают к импорту кока-колу,
И ты почти тридцать лет наблюдая картину эту,
Все никак не можешь вернуться домой из школы.

* * *

...И увезти ребенка жить туда,
Где яблоки стучат по старой крыше,
Где колетса холодная вода,
Когда в нее заходишь. Пусть подышит.
Хоть он подышит воздухом живым,
Без привкуса бетона и бензина.

Родить ребенка, положить в корзину
На мягкую подстилку из травы,
И аккуратно в воду опустить,
И все смотреть, пока та будет плыть.

Умыться, сесть, взглянуть в глаза врачу
И повторить чуть слышно: «Не хочу».

Мультики

Смотри, малыш бежит в апрель —
Зареванный — кина не будет.
Ни Дональд Дак, ни Ариэль,

Ни дятел Вуди
Сегодня в гости не придут.
Ни Том, ни Джерри.
А он сидел в седьмом ряду,
Он всем им верил.
И ненадорванный билет
Сжимал упрямо.
Какие мультики в шесть лет?
Сплошные драмы!
И все бы, может, ничего,
Но на ладони
Лежит билет, и он его
Сейчас уронит,
И понесется из ДК
Вдоль по аллее.
И будет убежать, пока
Не повзрослеет.

УРЕНГОЙ

Мальчики с Марса. Девочки — с Уренгоя.
Ногой открывают двери в любые замки.
Хватают с порога самое дорогое,
Все, на что право имеют отборные самки.
Потому что после пожара или потопа
Не останется никакого вашего Средиземья.
Тараканы, орки и те, кто ушами не хлопал.
И девочки с Уренгоя над ними всеми.

РЕМОНТ

Надумаешь плакать, а слезы тебе отключили.
За неуплату, наверное... Ну бывает.
Может быть, что-то чинят в подвале или
В ЖЭКе решили: ты временно неживая.
Коммуникации не отвели, но все же
Отрубили тепло и внутренний свет пока что.
Капитальный ремонт — это совсем не сложно,
В современном мире в нем нуждается каждый.
Каждый второй потом остается красивым,
Чистым, уютным, будто ни в чем не бывало.
Тише, тебе потом пригодятся силы.
Делать вид, что не было этого затопленного подвала.

* * *

Ничего, все будет хорошо.
Ну не у тебя, так у Бабая.
Он вчера нашел большой мешок,
Чтобы точно влезла дрянь любая.

Глупых и бессмысленных людей —
Злых мужчин и их сварливых женщин
Нынче на рассвете станет меньше.
Где они? Да в общем-то нигде.
Утро будет чистым и простым.
Отступила тьма. Бабай на страже.
Хорошо, что в этот раз не ты
Оказался злобным персонажем.

Сказка

Оставь меня, старушка, я в печи.
Я сам сюда пришел по буеракам,
Не чтобы чашку чая получить
И на плече твоём костлявом плакать.
Смотри, старушка, я принес дрова,
И спички, и какое-то огниво.
Покуда ты ещё жива, давай
Отправь меня в загробный мир счастливый!
Чтоб не было там глупых королей
И бабы, превратившейся в лягушку.
Я не хочу к ним! Ну же, пожалей
Меня, старушка...
Но старая карга посмотрит вбок:
«Какой хороший мальчик, верит в чудо.
Ну, насмешил меня, сынок... Как мог.
Держи, милоч, клубок,
Иди отсюда».

Ацтекский бог

Оставивший страну ацтекский бог,
Уплывший на каноэ в облака,
Был добр, но справедлив и в меру строг,
Не то что этот мрачный истукан,
Оставшийся наместником его,
Торчащий острым бивнем из песка.
Поэтому с тех самых пор кругом
Такая неизбывная тоска.
Сменяются великие вожди,
Жрецы приносят в жертву всех подряд,
То засуха, то день и ночь дожди.
Но он вернется, люди говорят.
Мы выйдем его встретить, вдалеке,
Увидев незнакомые суда.
Пока он, не замеченный никем,
Пытается их не пустить сюда.

Огонь

Человек научился огонь доставать из камня
и с тех пор достает оттуда такие вещи,
которые людям нормальным не снились даже.
А он достает, разглядывает и прячет.
Человек повсюду носит с собою камень,
на сердце носит, за пазухой и на шее.
Человек кроме камня за жизнь ничего не нажил.
Ничего вообще, и,
говорят, и сам он скоро окаменеет,
встанет на главной площади руки в боки —
Никуда не сдвинешь. Ну что же, ему виднее.
Пусть себе стоит, холодный и одинокий.
Ну а мы пойдем — огонь доставать из камня.

БАРМАЛЕЙ

Бармалеям тоже нужно кушать,
Но хороших есть запрещено,
Мальчиков и девочек послушных
Бармалей обходит, как щенок:
Бестолково тыкается носом,
Отползает, поджимая хвост.
А тебя он может съесть бес спросу,
Ну какой на троечников спрос?
Вас растят-то, кстати, и лелеют,
Чтоб не голодали бармалеи.

* * *

Когда он за тобой приедет,
Ты не поедешь никуда:
А что подумают соседи?
А как же столько лет труда?
Нельзя же вдруг вот так — и сразу...
Ты в руки-то себя возьми,
Какое, к лешим, платье в стразах,
Когда рабочий день с восьми?
А если в Царстве Тридесятом
С работой тоже полный мрак?
Я что, тебе на шею сяду?
Как бы не так!
И выслушав тираду эту,
Скрывая грусть,
Он скажет: «Больше не приеду».
Да фиг с ним, пусть.

* * *

Кто первым умер, тот и победил,
А остальные сами виноваты.
У нас теперь вся вечность впереди
Слоняться по коре шероховатой,
Бесцельно строить город золотой
На месте непролазного болота.
Нам страшно, больно, стыдно, но зато —
Смотри — мы отражаемся на фото.

* * *

Человек человека не знает и смотрит волком.
Человек человека видит издалека.
Реже в прицел, чуть чаще в дверную щелку,
Не касаясь защелки и, не дай бог, курка.
Человек человека очень боится трогать.
Если не тронешь, может быть, пронесет.
А то вот так сунешь руку в душу по самый локоть,
А тебя туда с сапожищами засосет.

* * *

Антуан де Сент-Экзюпери
Говорил: не трогай что попало,
Лишнего от мира не бери,
Что бы там к рукам ни прилипало.
Все, что ты возьмешь у них, теперь
Навсегда твое, и ты в ответе
За любую из своих потерь,
Даже если ты их не заметил.
Даже если даром не сдалось,
Только перепачкало ладони.
Руки разведи — возьми и брось.
Радуйся, что ничего не понял.

* * *

Вот выстрелят в тебя из-за угла —
Ты ляжешь там, где тень твоя легла,
Ты станешь тем, кем запрещалось быть,
Тем, о котором все хотят забыть,
Оставив страх в чужих застывших лицах.
И ничего с тобою не случится.

Титаник

Мы все умрем. Но только перед этим
Мы будем пить холодное сабли.

О нас напишут в утренней газете,
Мол, плохо строят наши корабли,
Мол, эти инновации из строя
Выходят строем, вот он, ваш прогресс,
Мол, наши жизни ничего не стоят,
С билетами мы тонем или без.
Мы больше ни о чем и не просили —
Сгореть бескрылой бабочкой в Аду.
Нас не учили, как нам жить в России
В две тысячи семнадцатом году.

* * *

Разнорабочие в Раю
Снуют бесшумно муравьями.
Их ангелы не узнают,
Не видевшие их ни в храме,
Ни у могильного креста.
Их жизнь была совсем проста.
И смерти не заметив сами,
Они продолжили свой труд
Отныне тут.

* * *

Ощущать себя суповым набором,
В который зачем-то вложили душу.
Мясник опомнится очень скоро,
«Никто такое нэ станэт кушать!» —
Всплеснет руками. Пакет развяжет
И вынет все, что казалось лишним:
«Вай, харашо, нэ замэтно даже!»
А Бог пройдет по рядам неслышно.
Он купит вишен у тети Кати,
И под прилавком заметив ящик,
Быть может, душу с собой захватит.
А остальное коты растащат.

* * *

Платон мне друг, а истина в вине.
Вина во мне. Я — в танке. Танк в Париже.
(Я этот город так и так увижу,
Ну не сейчас, так через сорок дней.)
Вот тут бы и начать подсчет огней
На улицах треклятого Саратова
Или сказать, что я теперь умней

И не смогу ничем тебя порадовать.
Но я молчу. И понимаю вдруг,
Что прошлое — увы — ни в чем не тонет.
О будущем читая по ладоням,
Не отобьешься от своих же рук
(но лучше быть готовой к обороне).
А из Платона никудышный друг.
Да в общем-то и дело не в Платоне.

* * *

Под вечер, бывает, хочется застрелиться,
Но стреляться в общественном месте нельзя никак —
Тут же придет какая-нибудь полиция
И в протоколе напишет, что ты дурак.
Не оправдаться потом на суде небесном:
Мол, не хотел я, это оно само,
Дескать, я больше не буду, серьезно, честно,
Отпустите меня и прочие nevermore.
Они посмеются и скажут: «Ну что ты, что ты.
Из-за таких идиотов у нас тут ад,
Вставай с тротуара — утром тебе на работу.
Мы продлеваем срок». И швырнут назад.

МАРТИНИ

Каждый день возвращаться с работы с больной головой,
Все с большим трудом влезать в любимое платье.
Отстраняться и злиться — какой-то он слишком живой,
Как все это некстати.
Улыбаться дежурно, вцепившись руками в бокал,
Думать только о том, «боже, как же мне хочется спать...» и
«Он, конечно, хороший, но очень не в тему пока,
Я ему объясню. Только пусть за мартини заплатит».

* * *

Тяжелее всего дается легкость. Такая,
После которой тебе ничего не будет.
С нею легко по головам шагают,
И амбразуру легко закрывают грудью.
Потому что, если тебе ничего не нужно,
Потому что, если тебе ничего не важно,
То какая разница, что там еще снаружи,
И какая разница, что про тебя расскажут.
Потому что, если внутри у тебя бездна,
Потому что, если твой самолет сбили,

Это значит, надеяться бесполезно
И сквозь кожу и кости растут напролом крылья.

* * *

Выйдя из себя, как из воды,
Зверь ненастоящий рыбащер,
Встретит нас таким же молодым,
Только очень хрупким и хрустящим.
В вечности оставившие след
С надписью диагональной «Reebok»,
Мы уйдем в глубокий Интернет
Но и там наделаем ошибок.

* * *

Они говорят друг с другом о самом простом,
О том, что, наверное, надо убрать одеяло,
О том, что давление вечером было под сто,
И это уже никого как-то не удивляло.
Не нужно любви или ревности, ссор и обид.
Она разрезает ножом на клеенке таблетку:
«Сейчас, мой хороший, сейчас уже чайник вскипит.
Ты с сахаром пей. Его можно чуть-чуть, если редко».

Он любит не Машу, а Машино тело вокруг.
И знает, бывают тела на порядок шикарней.
Но все получилось случайно и в общем-то вдруг.
И выбор одобрили мама и, кажется, парни.

Она улыбается: «Помнишь, когда я ушла,
А ты притащил со двора вот такую собаку?
Спалил сковородку и даже зачем-то дуршлаг...
И плакал...»

* * *

Чтобы не было одиноко и очень страшно,
Нужно выйти из дома в полночь, и — прочь, и прочее.
Оборвется сердце линией карандашной:
Троеточие — три прочерка — троеточие.
Оторвется прошлое ровно по этой линии,
Настоящее в ненастоящее обнулится.
Все, билетик твой не действителен отныне, и
Глупо бояться — что будущего, что полиции.

МАРИНА

Хорошо быть древней дрянью,
Тварью с кожей ледяной,
С жутким огненным дыханьем,
Не любимой, не родной,
Вовсе никому не нужной,
Есть сырых людей на ужин,
Ужас наводить и страх
И иметь гнездо в горах.
Чуть сложнее быть Мариной
С теплой кожей и душой
(для системы эндокринной
Это минус, и большой).
Плюс Марина виновата
В том, чего не знает тварь:
В том, что люди сыроваты,
В том, что на дворе январь,
В том, что холодно и жарко,
В том, что Дима не женат.
Эволюция насмарку,
А Марина — сразу в ад.

* * *

Вот хоть вешайся, хоть стреляйся,
Хоть носи в себе вирус СПИДа,
Хоть с серийным маньяком встречайся,
Не получится быть убитой,
Безалаберно отвертеться,
Безответственно отстреляться,
Никуда от себя не деться.
Просыпаешься — снова двадцать.
И опять двадцать пять, и вроде
Те же улицы, те же люди.
И во всем, что здесь происходит,
Только ты виновата будешь.

* * *

Осознавший, что жизнь короче
Суммы прожитых разом лет,
Когда ты умереть захочешь,
То увидишь, что смерти нет.
Что с открытием этим делать,
Если замерло все в груди?
Положи аккуратно тело.
И иди.